

ЮЛИЯ ЛИЖОРЕНКО

СТРАНСТВЕНІЕ
ДУХА

Юлия Лиморенко
Странствие духа

«Rugram»

2025

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)

Лиморенко Ю.

Странствие духа / Ю. Лиморенко — «Rugram», 2025

ISBN 978-5-51-714149-1

Вселенная зашаталась: люди Среднего мира разделены враждой, Нижний мир порождает чудовищ, а в небесах ещё только должен появиться герой, который сможет всех защитить... А пока что маленький дух в бурундучьей шкуре пытается спасти то, что ему дорого. История о людях и духах, рассказанная с точки зрения духов.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-51-714149-1

© Лиморенко Ю., 2025
© Rugram, 2025

Содержание

Часть I	6
1. К матушке-земле	6
2. В духовой шкуре	12
3. Старший брат	17
4. Сердце шамана	22
5. Духи войны	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юлия Лиморенко

Странствие духа

Человек непредубеждённый ни в коем случае не может признать этот рассказ настолько важным, чтоб на основании его можно было говорить что-либо о происхождении целого народа. Все народы, как культурные, так и некультурные, имеют свои сказки, которые матери рассказывают детям в часы отдыха. Но кто же станет искать в них разрешения исторических тайн? Собрать из древних историков и географов имена народов, рек и стран и сравнивать их с именами вновь открытых народов, рек и стран, о которых у древних не могло быть каких-либо сведений, в мелочах и несущественных обстоятельствах находить сходство между теми и другими, а где совсем нет сходства, то толковать обстоятельства определённо в свою пользу и на основании этого делать сравнения, предположения, заключения и приводить доказательства, которые должны служить основой для истории, – всё это, по-моему, не способствует тому, чтобы получить название осторожного и беспристрастного историка. Правильнее будет, если события древних времён из жизни отдельных народов, за неимением основательных доказательств, оставлять по-прежнему неразъяснёнными, чем давать им неправильное освещение.
Г. Ф. Миллер, «История Сибири...»

© Лиморенко Ю., 2025

© Архангельский Ф., художник, 2025

© RUGRAM, оформление, 2025

© Т8 Издательские технологии, оформление, 2025

Часть I

Бурундучья шкура

1. К матушке-земле

Глухарь был тяжеленный, как мешок камней, Авлан перекладывал его с плеча на плечо, так и сяк, а всё равно было неудобно. Перья устлали дорогу, глухарина башка болталась позади и была Авлана клювом пониже спины. Сикачан трусил следом и норовил укунить эту башку – тоже небось оголодал знатно. Эх, сделать бы привал, всё тело уже болит! Но Авлан старался не сбавлять шаг. Темнеет, а в темноте нечего по лесу шмыгать, да и живот уже подвело, а когда ещё глухарь-то сварится... Разве что у мамы остался хоть кусочек давешней рыбы? Авось получится выпросить – всё же он охотник, не просто так штаны протирает.

Глухарь был первый за неделю, а до того ели что попало: рыбу, ягоды, старый оленин жир, что ещё не совсем провонял. Отец и старший брат тоже с утра дотемна ходили по лесу, пока были здоровы, а теперь оба лежат, и в доме голодно. Мама не хотела Авлана пускать на охоту, да тут хочешь не хочешь, а есть-то надо. За что же Дуннур-Мать осердилась на баягиров? И так дичи нет, а тут ещё и зараза! Ну ничего, вот он, Авлан, добыл глухаря, надо положить в костёр кусочек глухаринаго мяса, авось Дуннур-Мать поест да и смилуется. Что ей за выгода губить под корень всех баягиров. Может, и провинились чем, а всё-таки свои дети, не прибудные!

Последние деревья расступились перед охотником, и открылась отцовская стоянка: старый дю с прохудившейся ровдужной покрывкой, низенький балаганчик-чорама для всякой утвари, а позади – лабазик на тонких ножках. А народу-то набежало! Тут и родовой шаман Катанай, и Деюргун, старый гриб, и толстая Нираяна, а позади всех топчутся два здоровых лба с копьями: один Геванча, мамин сродник, а второго Авлан по имени не упомянул. Чего они в разгар заразы притащились? То ли вовсе ум растеряли? Деюргун ведь сам говорил: пока не утихнет мор, по стоянкам не ходить, а то духи привяжутся и всех покусают.

Авлан замер на краю поляны, опустил на землю глухаря: что-то на стоянке нехорошее творится! Мама стояла у входа в дю, руки в боки – это она умеет, мимо неё не то что человек – дух не проберётся, если она не пустит! Ругала их, по лицу видно. Оно и верно – чего явились? Знают ведь, что в семье двое больны. Катанай стучал о землю посохом, рукой размахивал, аж чуть шуба на плечах не лопалась, а Нираяна всё ему поддакивала. Шаман-то, ясное дело, не боится заразы, а Нираяна поодаль держится – а вдруг дух выползет из дю да на неё и вскочит! Ну и что делать-то Авлану? Стоять уже сил нет, ноги гудят, а в дом идти боязно.

Может, он и бы и дальше стоял размышлял, да Сикачан залаял. Ему-то всё ясно: пришли домой – надо всех оповестить. Мы с добычей, ставьте котёл, раздувайте очаг!

Все повернулись к Авлану, и вот тут ему стало жутко. Не так на него глядел Катанай, как глядят на охотника, что вернулся с едой. И Деюргун не так глядел, как на мальчишку, что впервые принёс дельную добычу. Сам Авлан почувствовал вдруг себя добычей – до того нехорошие глаза были у шамана. Мама рванулась к нему, да Нираяна подроспела, ухватила за локти.

– Беги, сынок, беги! – визжала мать. А Авлан растерялся: как – бежать? От дома, от матери?! А глухарь как же, а поесть?.. И всё же он отступил с поляны в лес, пока ещё не понимая, что творится.

Парни с копьями в два прыжка его догнали, схватили, завернули локти за спину. Катанай подошёл, оглядел:

– Годится! Пойдёшь с нами, будешь... А-а-а, сын Харги, поганый зверь!

Это Сикачан его ухватил сзади за ляжку. Сикачан не любил, когда Авлана кто-то трогал. Геванча поднял копьё, и тут уже Авлан завизжал что есть мочи:

– Не смей! Собаку не тронь, опарыш, гнилая шкура! Брось, Сика, брось, нельзя!

Пёс подумал ещё, не разжимая зубов, а потом решил, что хозяину лучше знать. Отпустил шамана, отскочил от пинка подальше, рыкнул, оскалил жёлтые клычищи.

– Ведите его, – велел шаман, и парни поволокли Авлана прочь.

Он рванулся, чуть плечи не вывихнул, а увидел только, как мама колотит кулаками толстуху Нираяну – хочет вырваться от неё и бежать вслед... Не дали. Сам Катанай вернулся к дю и что-то забубнил, а Деюргун знай подталкивал Авлана своим посохом:

– Шагай, шагай живее, и так уж темень на дворе. Шевели ногами-то.

* * *

К ночи Авлана заперли в лабазе на стоянке Катаная. Здоровенный Геванча запихнул его в домик и убрал бревно с поперечинами – лесенку, по которой забирались наверх. Внизу лабаз караулили двое мужчин: решил бы Авлан выскочить – враз бы прикололи копьями.

Авлан сорвал голос, когда ругал шамана и кричал, чтобы его отпустили. И дали еды в конце концов, раз уж поесть дома не случилось. Шаман отмахнулся:

– Сиди тихо, а то свяжу.

Авлан затаился: что толку тратить силы зря? Авось утром станет ясно, чего от него хотят. Хотя покормить всё же могли бы, жмоты проклятые.

На стоянке была беда: умерла маленькая дочка шамана, только весной рождённая. Оно и понятно, от заразы первыми мрут слабые. Авлан крепко верил, что отец и брат – сильные мужчины – выберутся, а вот младших девчонок мама берегла. Как только брат заболел, дочерей она посадила в лабаз и трижды в день поднимала им на палке плетёнку с едой, а лестницу не давала, чтобы не сбежали. Авлану запрещено было к ним подниматься – дух мог прицепиться к нему незримо и перескочить на девчонок! Под лабазом всё время дымился костерок с ветками можжевельника – это чтобы духи не пробрались. Здесь Авлана тоже окурили горьким можжевельным дымом и сразу заперли в лабазе. Ну что бы не дать хоть воды попить! Вода-то не заразная. Он поёрзал на бревенчатом полу. Сётрам мама дала тёплую и мягкую медвежью шкуру, чтобы удобнее сидеть, а тут приходится моститься на суковатых брёвнах и укрыться нечем.

Авлан поёжился – ночь уже, холодно, – прижался лицом к щели в стене и стал глядеть на стоянку. Жена Катаная кричала заунывно, как лосиха над мёртвым лосёнком, а Катанай ругал её: нельзя шуметь ночью, злые духи набегут, как будто и без того их мало вокруг! Сторожа ходили внизу, болтали, жевали мясо – Авлан унюхал мясной запах, и кишки опять перевернулись в животе, заурчало так, что, наверно, на Чите слышно! Потом Катанай вошёл в особый шаманский чорама, там в щелях крыши из корья стал виден огонёк. Потянуло густым запахом горящего можжевельника, а потом понеслись гулкие удары бубна. Катанай нынче шаманил один, помощников не позвал. Кто же будет его укрощать, когда слишком расшаманится? Кто подаст воду для питья и жир, чтобы бросить в огонь? Кто напомним имена духов? Кто будет держать ремень, привязанный к поясу, чтобы шаман не упал в очаг? Странно это!

Делать всё равно было нечего, и Авлан таращился в щель. Видно не очень-то много, зато слышно хорошо: уханье бубна, вопли Катаная, звон подвесок на шаманской шубе... Жители стоянки сидели вокруг чорама и молчали: ждали, чем кончится обряд. Даже сторожа, что охраняли лабаз, то и дело поглядывали в ту сторону – тоже любопытно. Авлан лёг на пол и стал глядеть вниз сквозь щелястый пол. Увидел близко макушку одного из сторожей, а потом чуть поодаль шапку второго. Они разошлись, потом снова стали рядом, и Авлан услышал продолжение какого-то ранешнего разговора:

– А как скоро уйдёт зараза?

– Вроде на третий день должна. Может, жена успеет выздороветь...

– Может. Бедолага, – вздохнул охранник; видно, жена приятеля была его родней.

– А у соседей ваших много умерло?

– Да почти все, мать хозяина только осталась. Сама, говорят, с мертвецами в одну постель ложилась, чтобы заболеть, ан не берёт её, старую кочергу. – Кире, кире, что ты за гадость говоришь! С мёртвыми в одну постель?!

– Что слышал – то и говорю. Умом она тронулась, видно.

Первый сторож помолчал, потом оживился:

– А парня-то как убивать будут? Как оленя?

Авлан аж дышать перестал. Это какого же парня убивать? Не его ли?!

– Эй! – зашипел он в щель. – Эй, вы про что говорите? Про меня? Зачем меня убивать?

Эй, ну скажите, ну!

Один из сторожей, тот, что без шапки, недовольно поднял голову:

– Отстань ты! Сиди тихо, а то... – он угрожающе поднял копьё.

– Ну и давай, коли, – спокойно сказал Авлан. То есть это вышло спокойно, а в нём самом покоя никакого не было! От страха даже есть расхотелось, по спине побежал ледяной пот и во рту пересохло. Что же это, неужто его и правда убьют? Но за что?! Что он сделал? Нарушил какой-то запрет? Да их все нарушают, с каждым случается. Почему же его? Почему, почему...

– Сиди, говорю, тихо, а то свяжу, – буркнул сторож.

– Ну свяжи, только скажи: за что меня убьют? Что я натворил?

Сторож в шапке тоже поглядел вверх, на невидимого пленника:

– Ничего не натворил, а только надо жертву принести. Ты годишься.

«Годится», – вспомнил Авлан. Так сказал Катанай, когда увидел его вечером у дома.

Годится в жертву. Вот оно что!

– Чтобы мор прекратился, надо подарить Дуннур-Матери молодого охотника, который ещё не спал с женщиной. Ты один такой... годный. Вот сегодня тебя и пожертвуют. Так сказал Катанай.

Авлан сел на пол. Язык онемел, да и всё тело сковало оцепенение. Мысли все куда-то подевались, кроме одной: убьют. Убьют. Его убьют. Он попытался представить, как это, когда убивают. Когда жертвуют оленя на переправе или при начале охоты, ему перерезают горло и кровь проливают в воду или в огонь. Но про то, как приносят в жертву людей, Авлан слышал только в сказках!

Отец говорил, что перерезал горло одному вокараю, когда с ними воевали за обман со свадьбой. Он тогда убил двоих воинов вокараев, но этих как обычно, стрелами в бою, а ещё пришлось убить одного старика, но тот его сам просил. Вот ему отец перерезал горло, как оленю, а потом разрубил грудь и достал его сердце. Тот старик, видно, был сонингом – богатырём, а сонингу умереть не в бою позорно. Авлан всё это слушал и гордился смелостью отца, но не думал, каково это – когда тебе самому перерезают горло. А тот старик вроде даже сам попросил... Бр-р! Как можно такого просить?

Ни о чём другом думать уже не получалось: воображался Катанай с большим ножом в руке, вот он хватает Авлана за волосы, оттягивает ему голову назад и что есть силы полосует по горлу... Дрожь пробежала по телу, Авлан услышал, как стучат его зубы. Он обхватил себя руками, но дрожь не унималась. Он попытался подумать о том, как Дуннур-Мать увидит его и поймёт, что баягиры – послушные дети, ну, может, чуток оступились, но чтят её и просят прощения. И тогда прекратится мор, и выздоровеют отец и брат, а сестрёнки не заболеют...

И за всё это надо только, чтобы ему, Авлану, перерезали горло. Жалко, что ли? Но ведь это для всех...

Его колотила крупная дрожь, просто зуб на зуб не попадал. Если бы его спросили: «Хочешь отойти к Дуннур-Матери, чтобы все остальные баягиры остались живы и никто больше не болел?» – он бы, конечно, согласился. И может, даже сам просил бы перерезать ему

горло, как тот старик вокарай. Но его же не спросили! Схватили, как оленя на охоте выдёргивают, набросив на рога аркан, заперли, будто он бессловесное животное, а потом так же, как животное, убьют на священной чистой земле. Может, ещё вынут сердце и съедят, как в сказках. Ведь тот старик просил вынуть его сердце...

Всё завертелось у Авлана перед глазами, накатила тошнота, а когда прошла, он понял, что лежит на корявом бревенчатом полу, а перед ним открылась дверца лабаза, и кто-то тянет его за руку:

– Вылезай.

Авлан завизжал, как собака, ударил по руке, что тянулась к нему, на четвереньках бросился в угол лабаза, прочь, прочь! Его крепко ухватили за ногу, дёрнули – он ударился подбородком об пол, прикусил язык, в рот потекла кровь. А его уже вытянули из лабаза и передали вниз кому-то, кто стоял на земле. Авлан пытался извиваться, кусаться, но его тащили трое взрослых мужчин – их было не одолеть. Он визжал и вопил, ругался, искал глазами Катаная, просил его отпустить, снова брыкался и орал... Куда его несли, что творилось вокруг, он не мог различить – бился в чужих руках, как зверь, кажется, пнул кого-то в лицо, но это не помогло. Его как следует трягнули за шиворот, так, что снова лязгнули зубы, рванули руки назад, выкручивая суставы, колени ощутили холодную землю, и впереди жарко дышал костёр. Голос Катаная взвыл над ухом, стало вдруг неудобно голове, потом перед глазами вспыхнули солнечные искры, шею рвануло болью, а потом Авлан умер.

* * *

Там, где он сидел, было солнечно, но солнце грело лишь чуть-чуть. Шумели вокруг облетающие лиственницы, землю устилал толстый слой жёлтых хвоинок, над головой трещали сороки и свистели синицы. А прямо перед Авланом сидела на земле женщина, огромная, как медведица. Роскошная шуба, украшенная собольим мехом, распахнулась спереди, и необъятные груди свисали до земли. В головной повязке ярко блестели бусинки, передник переливался многоцветьем бисера, тёплые сапожки тоже все были изукрашены разным мехом и оленьим подшейным волосом, а уши!.. Уши-то громадные, будто деревянные корыта!

Тут-то Авлан её и признал: это ведь сама Дуннур-Мать перед ним. Большие уши она высывала из земли, когда желала подарить кому-нибудь удачу: надо было лишь осмелиться подёргать за мочки, украшенные дорогими серьгами. А вокруг неё толпились звери-птицы – кого только тут нет! Зайцы, соболи, олени, белки, медведи, глухари, дикуши, кедровки, сойки, чайки... Все по очереди подходили к ней, почтительно приседали, кланялись и пили по капле молока из тёмных налитых сосков. «Дуннур-Мать всех кормит, – вспомнил Авлан наставления старух. – Она всем живущим мать: почитай, не гневи!»

Огромная женщина ласково улыбнулась Авлану:

– Не смущайся, что ж ты замер? Испугался, небось?

– Н-нет, матушка, н-не и-испугался, – в страхе пробормотал Авлан и неловко поклонился.

– Вот и хорошо, – Дуннур-Мать махнула рукой, и звери-птицы отошли прочь. – Как же ты попал-то ко мне, парень?

– Меня, матушка, в жертву тебе принесли, – уже смелее сказал Авлан. – Чтобы мор закончился.

– Мор? – Дуннур-Мать удивлённо подняла чёрные брови, совсем как человек. – Да ведь духи болезни мне не служат. Это Харги из Нижнего мира их посылает. Видно, какой-то из них и напал на вас. Что же шаман-то ваш не прогнал?

– Не смог, – вздохнул Авлан. – Дважды летал в Нижний мир, сам чуть не помер, а не одолел.

Дуннур-Мать покачала головой:

– Жаль мне вас, да чем я могу помочь? Больным вылечиться помогаю, а выгнать злого духа не могу – не по закону это.

Авлан чуть не расплакался: это что ж, значит, зря его в жертву принесли?! Зря убили? У мамы зря сына отобрали? Он сел на землю, сжался в комок, уткнулся лбом в колени – всё внутри заболело, зануло, будто он и не мёртвый вовсе. Из глаз потекло, горячие капли обжигали руки.

Дуннур-Мать погладила его по макушке тёплой ладонью:

– Что ж ты, парень, ты ведь охотник. Ну-ка, не хнычь, будет! Что сделано, то сделано, давай-ка думать, как дальше быть.

– Да какое дальше, я ведь умер! – взвыл Авлан, от обиды позабыв всякое почтение. – Мне теперь в мир мёртвых идти положено, а убили-то зря-а!

– Глянь-ка на меня! – приказала Дуннур-Мать, и Авлан снова заробел. Поднял голову, утёр мокрые щёки и поглядел на неё. Она улыбалась, и на душе потеплело: когда мама рядом и улыбается, никакие горести не страшны, а ведь она всем живущим мать.

– В мире мёртвых тебе делать нечего, – говорила меж тем Дуннур-Мать, и голос её баюкал и утешал. – Ты мне отдан, потому в мой мир и попал. Но вернуть тебя обратно я не могу: тело твоё, матерью рождённое, пропало – как теперь в мир людей выйдешь?

Авлан, изумляясь, оглядел себя: руки-ноги на месте, голова тоже – что с телом не так?

Дуннур-Мать покачала головой:

– Это видимость одна, ты ведь среди духов. На землю этак пройти нельзя – окажешься бесплотным, а это нехорошо, опасно. Вот что я думаю...

Она замолчала надолго, Авлан ждал; на душе и вправду полегчало от её разговоров да от тепла её рук. Мать всех живущих каждого пригреет, каждого пожалеет... Украдкой он разглядывал наряд Дуннур-Матери: он оказался непрост! В головной повязке её не бусинки – льдинки вплетены, на переднике не бисер – настоящие ягоды: голубика, брусника, костяника, черёмуха. А узоры из листьев не нитками вышиты – это и вправду настоящие листья, неведомо как они держатся на мягкой ровдуге.

– А не хочешь ли ты стать духом?

– Как? Я? – Авлан растерялся. – Да разве я могу...

– Можешь, коли я разрешу, – кивнула Дуннур-Мать. – Стань духом-покровителем баягиров, тогда защитишь их и от заразы, и от других бедствий. А они почитать тебя станут.

– А... как же предки?

Каждый ведь знает: предки рода берегут его от всех напастей, для того шаманы их кормят и подарки им посылают...

– Предки ваши спят в земле мёртвых, а что среди живых творится, им неведомо. Что вы их помните – это правильно, почитаемых предков никто в Нижнем мире не обидит, не тронет. А вот в дела потомков они вмешаться не могут. Тут иное нужно, как вот с тобой: чтобы смерть привела не в землю мёртвых, а в мир духов. Что ж, согласен?

– Согласен, – прошептал Авлан. Не знал ещё, как он будет помогать роду, но если сама Дуннур-Мать говорит, что он сможет...

– Вот и договорились, – ладонь Дуннур-Матери снова легла ему на голову. – Будь же ты, Авлан из баягиров, духом Срединного мира, защитником рода. Тело же для путешествий по земле я тебе дам.

Она протянула руку за спину и вынула бурундучью шкурку:

– Вот твоё обличье на первое время. Будешь бурундуком всюду скакать, всё увидишь, везде пролезешь, а там, глядишь, и посолиднее облик обретёшь.

– А... прости, матушка, но мне в человеческом виде привычнее!

– Человечий вид я тебе дать не могу, – вздохнула Дуннур-Мать. – Чтобы душа в человеческом теле удержалась, Аин-Маин должна её туда вложить. Если бы какая женщина согласилась

тебя вновь родить – это бы можно, но на это власть Аин-Маин, хранительницы душ. Проси её, если доведётся встретить. Только она в Верхнем мире живёт, здесь её не увидишь. А в Верхний мир тебе так просто не забраться – там великие силы нужны. А пока, – Дуннур-Мать потрепала нового духа по затылку, – бурундуком тебе сподручнее будет. Да не забудь шаману во сне явиться и сказать, чтобы почитал тебя: от приношений и молений у тебя сила прибавится. Ну, иди, сынок, примеряй шкурку – и отправляйся.

Ладонь Дуннур-Матери вдруг стала неохватно огромной, она подхватила Авлана и подбросила вверх. Солнце блеснуло прямо над головой – и лапы его коснулись сырой лесной подстилки на земле людей. Тут была ночь, накрапывал дождик, и высоченные лиственницы грозно качались в вышине, над маленьким бурундуком, в котором теперь обитала авланова душа.

2. В духовой шкуре

Чем дальше он бежал по лесу, тем больше встречал духов. Иные совсем мелкие – сидят каждый на своём дереве, ничем больше не заботятся. Иные побольше: то дух оленей мелькнёт в зарослях – рога колыхнутся, то дух кедровок трещит-заливается на берёзе, а вот дух ручья полощет длинные косы в чёрной воде. Авлан на всякий случай здоровался со всеми, и ему почтительно отвечали – духи друг с другом редко враждуют, что им делить.

На стоянке Катаная вовсю кипело утро. Кормили собак, ломали хворост для очагов, носили воду из ручья. Мимо бурундука-Авлана прошёл, не заметив, тот охотник, что вчера вместе с Геванчой тащил его от отцовского дю. Авлан крался меж домов, шарахался от собак, пока не понял: живые его не видят. Зато духа болезни он углядел сразу же! Безобразный, весь раздутый, будто пролежал всё лето в болоте и порядком сгнил, – ну и пакость! Дух сидел на старшей жерди дю Катаная, свесил ноги в дымогон и плевал вниз. Пока паршивец его не заметил, Авлан юркнул в приоткрытую дверь жилища шамана.

С хозяйского места доносился молодецкий храп: Катанай спал, ничего не видя и не слыша, как всегда после обряда. Хмурая, бледная шаманова жена Эяна мешала длинной ложкой в котле над очагом. Авлан поднял глаза: так вот куда плюёт зловредный дух – в котёл, откуда будет есть вся семья. Ну погоди же у меня, сквернавец! Авлан прыгнул по-бурундучьи на старшую жердь (прости, пожалуйста, хребет жилища, не гневайся!), вскарабкался к самому дымогону:

– А ну пошёл вон, паскуда!

– Хы, – ослабил дух. – Ты кто? Ты щё тут? Я тя щас... ыть! – Он поднял правую лапу, где было явно многовато пальцев, и попытался щелчком сбить бурундука вниз. Не на того напал! Авлан извернулся, прыгнул и что было сил вцепился в многопалую гребалку. Ну и поганый же вкус у крови заразного духа!

– Ы-ыть! – завопил тот, скатился по крышке дю на землю, запрыгал, тряс лапой, чтобы сбросить бурундука. – Ыть, пшёл, пшёл! Вот я самому Харги пожалоблюсь!

Авлан не отвечал, лишь сильнее сжимая челюсти. Бурундучьи зубы, конечно, не соболиные, но режут ещё и побольнее, а дух может нанести рану другому духу, они ж одной природы.

Раздался хруст – палец отвалился, отгрызенный острыми зубами. Авлан свалился на землю, но и дух заразы остервенело тряс лапищей и выл:

– Ты гад, гад ты, гад! Пожалоблюсь! Так не оставлю-у!

И всё так же громко вопя, он провалился сквозь землю. Прямо так, как старики рассказывают: был – и нету.

Авлан перевёл дух, сплюнул поганую духову кровь, сел на задние лапы и старательно умылся. Вот и сбылись чаяния Катаная: нет больше духа заразы, значит, люди не станут болеть.

На Катаная он, однако, продолжал злиться: как это ему взбрело человека зарезать, будто оленя на перекате! Ну пусть в жертву, да ведь где это видано, чтобы людей жертвовать! А ещё обиднее, что схватили да поволокли не спрося. Может, и правда он бы своей охотой пошёл в жертву, если иного спасения для рода нет. Он ведь охотник, а случись война – стал бы воином, может, и сонингом даже. Воин всегда готов отдать жизнь за своих, а его-то как зверя, силком... Авлан даже сморщился от обиды.

И тут же вспомнил: нет, ещё не вся опасность миновала. Дух-то плюнул в котёл Катанайевой жене! А что если там осталась зараза?

Авлан бросился назад в дю. Перевернуть котёл, пока люди не поели из него! С разбегу запрыгнул на край котла – и тут понял, что он слишком маленький, чтобы даже покачнуть его. Сколько он ни скакал по дужке котла, сколько ни пытался раскачать – всё без толку. А тут Эяна снова пошла к очагу уже с другой ложкой – зачерпнуть варево и попробовать.

– Нет! Не ешь! – закричал Авлан что было сил, да толку-то. Живой человек его не слышит.

– Что ты шумишь, маленький победитель злого духа? – окликнул его нежный голос. Авлан завертел головой – и увидел, как в очаге прямо на тлеющих углях стоит крошечная девочка в огненной шубке.

Дух очага! Вот он болван, что ж сразу-то не вспомнил! Может она явиться и девочкой, и старушкой, а иногда, бывает, и дедом смотрится. А уж в очаге в доме шамана дух самый сильный, самый древний... Авлан торопливо слез с котла, поклонился:

– Привет тебе, матушка, потом разговор! Прости, что сразу не почтил, очень уж горело мне духа заразы выгнать.

– Вот и хорошо, что выгнал, – улыбнулась девочка. – А чего теперь-то в котёл ныряешь?

– Этот поганец туда плюнул, прежде чем удрать! А вдруг люди опять заболеют?

Улыбчивое личико духа огня исказилось гневом, глаза полыхнули багровым пламенем:

– Что?! Варевом с моего очага людей травить? Ну-ка, дорогой бурундучок, отойди подальше – я сейчас сама котлом займусь!

Она пропала, а толстая головня в очаге вдруг треснула, разлетелась искрами, закружился вихрь пепла, и подлетевшая зола посыпалась прямо в воду. Подошедшая Эяна всплеснула руками:

– Кире, ну вот, грязи полный котёл! Теперь только вылить.

Просунула под дужку котла толстую палку, сняла с очага и потащила наружу. Авлан перевёл дух. Теперь не отравятся!

– Спасибо, матушка-огонь.

Но очаг лишь мигнул ему рыжими угольями: огненная девочка больше не показалась.

Авлан выбежал из дома. Теперь можно и подумать, как дальше быть. Род он от мора избавил, но раз он теперь дух-покровитель, надо и дальше о роде заботиться! Только сперва... Забота заботой, а сначала надо бы повидать своих. Мама-то ещё не знает, что с ним приключилось.

Путь до отцовской стоянки занял немало – он ведь теперь не человек, а бурундук, лапки маленькие, прыгать долго... Хорошо хоть, что духи не знают усталости.

Над крышей родного дю поднимался дым, пахло можжевельником: мама каждый день окуривала дымом всю стоянку. Сикачан сидел на привязи, грыз старую оленью кость. Авлан окликнул его, но пёс не услышал. Фу ты, он ведь живой, значит, Авлана не заметит. Но как же тогда поговорить с мамой и отцом? Они тоже его не услышат!

Авлан загрустил. Неужто никто так и не узнает, что с ним случилось? Как людям-то рассказать? Дуннур-Мать говорила что-то про сон шамана, но это надо ещё проникнуть в его сон да убедить, что он правду во сне слышит! Выходит, зря он так спешил к дому – никто его и не заметит...

Пока он думал, из дю, опираясь на посох, вышел отец. Впервые за неделю он встал на ноги – значит, выживет, так всегда бывало. Авлан хотел броситься к нему, да вспомнил, что это без толку. Подобрался поближе, сел на перевёрнутое ведро прямо против двери и стал смотреть на родных. Хотя бы так повидаться...

От лабаза шла мама – увидела отца, побежала к нему:

– Что ты, лежал бы ещё!

– Хватит, все бока уже отлежал, – отец улыбнулся, обнял маму, усадил рядом на узкий порог. – Раз не померли мы с Иничэном, значит, поправимся скоро. А где Авлан-то? С утра не слышу. На охоту ушёл? А чего тогда Сику дома оставил?

Мама всхлипнула, уткнулась лицом в ладони, вся сжалась. Отец испуганно притянул её к себе:

– Ты что, брусничка моя? Что случилось?

Давясь слезами, то и дело утирая лицо, мама рассказывала то, что удалось ей уяснить из слов Катаная. Отец слушал и хмурился, а под конец вовсе потемнел лицом. Молча прижал маму к груди, покачал, как младенца:

– Ну будет, будет, брусничка. Наш сынок – спаситель рода, настоящий сонинг. Видишь, какого удалыца ты вырастила, лучшего во всём роду, славного, умелого охотника...

Мама сказала что-то – Авлан не разобрал. Отец покачал головой:

– Это долг воина – всегда закрывать собой род. Подумай о младших – как бы они мучились, покусай их дух болезни! Маленькие-то девочки не выживают...

Мама снова зарыдала, тогда и отец понял, что словами её не утешить. Так они и сидели обнявшись на крыльце, не зная, что сын, по которому они убиваются, рядом с ними, живой... да не совсем. Авлан и сам не заметил, как по бурундучьему носу покатились слеза: сил нет глядеть, как мается мама. Ну как же ей сказать, объяснить?..

Всё же отец прав: какой-никакой, а он будущий воин! Пришла в голову мысль – надо действовать, что попусту рыдать. Авлан ухватился за мысль, пока не забыл, и шмыгнул мимо родителей в дю.

Хозяюку огня он увидел сразу: опрятная старушка маленьким веничком заметала в очаг рассыпавшиеся угольки.

– Привет тебе, матушка!

Дух огня поглядела сперва неприветливо – кого ещё принесло, не враг ли семье? А узнав, бросила веник, торопливо поклонилась:

– И тебе привет, славный дух! Вернулся, значит, не забыл дом родной. Чем тебе услужить, удружить?

Авлан смутился: духи очага – самые почтенные на всех стоянках, пристало ли так его превозносить, он ведь не сделал ничего ещё...

– Хочу, хозяйюшка, попросить твоей помощи...

– Проси, проси! – закивала та. – Победителю заразы всем помогу, что в моей власти.

– Откуда ты знаешь? – удивился Авлан.

– А от хозяйки Катанаяева очага! Мы ведь все через огонь переговариваемся. Ты не знаешь?

– Не знаешь! Спасибо за науку. А чего хочешь... как бы мне дать знать родителям, что я не умер? Ну... не совсем.

Хозяйка огня задумалась:

– Говорить-то мы с ними не можем, ты уж понял. А вот знак подать... Попытаюсь, сделаю что смогу!

Авлан поблагодарил хозяйку и выскользнул из дю. Родители уж не сидели на пороге: отец зашёл обратно и лёг на хозяйском месте, а мама наконец подставила к лабазу бревно с поперечинами, сестрёнки выбрались на свободу и, хохоча, неслись наперегонки в дом. Наконец можно вернуться к очагу и спать на мягкой подстилке из лапника! Намёрзлись, наверно, в лабазе.

Старший брат тоже проснулся, на ноги встать ещё не мог, но на четвереньках подобрался к очагу, заглянул в котелок, стоящий с краю:

– Отец, тут суп с мясом! А пахнет как!.. Кто же это глухаря добыл?

Отец не ответил, будто уснул, но Авлан видел: притворяется. Не хочет говорить старшему сыну, что младший умер.

До самого вечера просидел Авлан в родном доме, глядел на семью, а когда мама рассказывала детям, что его, Авлана, принесли в жертву, снова чуть не расплакался. Как же всё-таки хорошо дома! Духом быть тоже неплохо, но вот такой жизни у родного очага, с родителями, братом, сёстрами, у него уже никогда не будет. Человечье счастье – не для духа.

Сестрёнки плакали по нём, а старший брат удержал слёзы и тоже сказал вслед за отцом: «Авлан – настоящий сонинг». В другое время похвалы от Иничэна было не дожидаться! Всё-

то он, Авлан, делал не так, всюду-то недоставало ему силы, ловкости, ума, смекалки... Оно и понятно: старший брат сильнее, умнее, ловчее младшего, никогда его не догнать. Будь Иничэн здоров, когда пришёл Катанай, может, это его бы забрали в жертву Дуннур-Матери, ведь он во всём лучше Авлана!

Но Авлан не обижался: теперь-то уж чего мериться! Иничэн будет жить, вырастет, женится, пойдут сыновья... Вот и хорошо. А он теперь должен не об одной только семье заботиться – обо всём роде.

Вечером, уже в сумерках, когда семья собралась к еде, мама задумчиво сказала:

– Говорят, иногда души родичей могут подавать нам знаки: чего ждать, будем ли жить хорошо. Вот бы хоть разок получить весточку от Авлана...

Хозяйка очага тут же что было сил подпрыгнула и с размаху опустилась на ветку, что недавно положили в огонь. Раздался громкий треск. Мама встрепенулась:

– Слышали? Когда в огне трещит – это знак!

Отец важно кивнул:

– Правда, бывает такое. Если кого из родни назовут по имени и при этом раздаётся треск – значит, скоро увидимся.

Иничэн поёжился:

– Но Авлан ведь... Как же мы увидимся?

– Не знаю, сынок. Так старики говорят, нам ли спорить.

Мама снова утёрла слезинку и начала разливать всем травяной чай. Авлан посмотрел на них ещё немного и выбежал из дю. Этак можно сердце себе надорвать.

На ночь он уместился в лесу поодаль от отцовской стоянки. Уйти насовсем не было сил, но и оставаться в доме, смотреть на них, спящих, и даже не уметь коснуться, поговорить...

Дух белок посидел с ним на ветке за компанию, угостил рябиной, рассказал новости и побежал своей дорогой. Жаловаться ему на жизнь без толку: он ведь не бывал человеком, не поймёт. Авлан вспомнил слова Дуннур-Матери: «Не забудь шаману во сне явиться». Что ж он, дурья голова, не спросил, как это делается – как в сон-то чужой войти? Эх, была не была, раз Дуннур-Мать говорит, что так можно, придётся самому попробовать. Авлан закрыл глаза и представил себе Катанай: как он спит за очагом в хорошо знакомом дю и железная подвеска-лебедь качается над ним в тёплом воздухе, что идёт от огня...

И Катанай предстал ему, только не так, как вообразилось: шаман в своём сне шёл по лесу, засыпанному снегом, в одном сапоге, в одной рукавице и с непокрытой головой. А кругом хохотали, кривлялись отвратные злые духи, корчили рожи, тыкали в шамана многопальными или вовсе беспальными ручонками, поносили его: «Слабак Катанай! Дурак Катанай! Не сладил с духом заразы, не нашёл, не изгнал! Слабак, тебя выгонит род, на что ты надобен!»

Авлан прыгнул на снег прямо перед шаманом, прикрикнул на злых чудищ:

– А ну пошли отсюда! Это не ваша земля, кыш, кыш!

И сам удивился, когда духи один за другим расточились, исчезли из вида. Катанай остановился, в удивлении глядел на бурундука:

– Привет тебе, светлый дух, и благодарность за избавление от этих гадов.

Во сне Катанай был моложе и сильнее, чем в жизни. Таким, наверно, он был, когда только начал шаманить. Про него рассказывали, что он дважды хотел оказаться от дара, едва не умер и только после этого решился принять посвящение.

Авлан растерялся: что же сказать опытному шаману? Да и поверит ли? Ведь это всё же сон. Но отступать некуда, да и Дуннур-Мать зря советовать не станет!

– Катанай из баягиров, я Авлан. Я стал духом волею Дуннур-Матери и избавил род от духа болезни. Он ушёл и больше не вернётся к баягирам. Пусть род почитает меня – и я стану его покровителем, буду защищать от происков злых духов и от угроз Харги из Нижнего мира.

Буду просить для вас у Дуннур-Матери удачи и благополучия, у Буга-Матери – милости и хорошей погоды, а у Аин-Маин – здоровых детей.

Авлан не очень-то верил, что Катанай его слушает. Возьмёт сейчас да изгонит из своего сна! Ан нет, поклонился шаман:

– Прими благодарность, светлый дух, от всех баягиров. Я скажу роду, что тебя надлежит почитать и благодарить, а ты будь к нам милостив. Мы соринки земли, нам нужна защита...

На это Авлан даже слегка обиделся: как живых людей в жертву приносить – смелости хватает, а как милости просить – так соринки земли! Он тоже был соринкой, а теперь вот изволь всех баягиров защищать. И вообще, если бы не Катанай, жил бы он себе и жил с отцом и мамой...

...или не жил бы, а умер от заразы. Духа-то кто прогнал? Не Катанай, а он сам. Нет уж, что стало – тому и быть, и хватит жаловаться!

– Я буду приходить к тебе во сне и предупреждать об опасностях. Не забывайте меня кормить: через огонь хозяева очага мне передадут ваши подарки.

Катанай снова поклонился... и исчез. Видно, проснулся у себя в дю.

А мир вокруг Авлана вдруг изменился. Пропал заснеженный лес, пропали мрачные деревья, а появилась ровная лайда, зелёная, летняя. Рядом звенит речушка, на лайде цветут одуванчики, а по траве идёт младшая сестрёнка Нюрилкан.

Авлан даже растерялся, а Нюрилкан смело подошла прямо к нему:

– Привет, а почему ты бурундук? – И протянула руку погладить. Узнала!

Во сне люди могут касаться духов – Авлан ощутил тёплую ладошку сестры.

– Я ведь теперь дух, Нюри. Я защищаю всех баягиров. Только я не могу показаться вам – вы меня не видите.

– Почему?

– Духи невидимы, ты же знаешь. Но я прихожу к вам, смотрю, как живёте... Ты маме расскажи, что видела меня, ладно?

Нюрилкан кивнула:

– А можно мне приходить к тебе сюда?

– Это твой сон, Нюри; я могу приходить к тебе, когда ты спишь.

– Вот хорошо! – сестрёнка рассмеялась, и капельки росы на траве заблестели ярче. – Я буду теперь пораньше ложиться спать, чтобы тебя увидеть.

Лайда побледнела и начала таять. Авлан только успел махнуть лапой сестре – и оказался в настоящем ночном лесу на сосновой ветке. Видно, и Нюри что-то разбудило. Ну теперь-то он сможет видеть её во сне почаще! И Дуннур-Мать была права: он может входить во сны людей. Теперь пора приниматься за дела духа-покровителя! И Авлан поскакал по веткам к стоянке соседней семьи. Надо осмотреть, как живут все баягиры на Шилке. Скоро охотники, а за ними и семьи двинутся в места зимней охоты, его обязанность – проверить, что род готов пережить зиму.

3. Старший брат

И чего надо этой Каталкан? Зима уже наступила, все семьи охотятся, все добывают оленей, лосей, глухарей, чёрных соболей и красных куниц, одна Каталкан всё просит послать мужу удачи на охоте. Но ведь Авлан своими глазами видел: чуть не у самой стоянки Эглэндэра ходят олени, а Каталкан не унимается... Что-то здесь нечисто!

Каталкан уже заняла у соседней свежего жира, чтобы покормить огонь, а через него – духа-покровителя рода:

– Шилкинский Авлан, нам, баягирам,
Оленя пошли, лося пошли,
Не жалея, не убавляя,
Посылай!

Авлан явился на стоянку Эглэндэра своими глазами поглядеть: что за напасть мешает охотнику добывать мясо? Почему жена должна ходить по соседям и выпрашивать жир для жертвы? Может, сама Каталкан по ошибке коснулась охотничьего копыя мужа или перешагнула через его сапоги? Может, чем-то обидели они духа лосей и оленей?

Стоянка Эглэндэра смотрелась ухоженной, не бедной: снег вокруг жилища притоптан, запасы хвороста большие, ровдуга и береста на крыше дю новые, сам Эглэндэр одет в хорошую одежду, и оружие у него хорошее. Авлан взобрался на лиственницу над стоянкой и стал наблюдать. Вот выходит из дю сам хозяин, вот Каталкан кормит огонь в очаге, прося у него, Авлана, удачи на охоте, вот она вместе с детьми лезет на лабаз и втягивает наверх лесенку, чтобы враг не напал, пока мужа нет дома. Эглэндэр уходит в лес. Снегу выпало много, зверя полно: к реке уводит след оленухи, к еловой заросли – след взрослого лося, под берёзами снег разукрашен следами тетеревов... Но Эглэндэр не глядит на следы. Идёт к берегу реки, садится на поваленный ствол, утыкает копьё в снег, опускает голову на скрещённые руки. Нерадостен Эглэндэр, будто какая-то тайная тревога гнетёт доброго охотника. Что же творится?

Авлан с верхушки лиственницы глядел на охотника, недоумевая: чего ему ещё нужно? Так долго он сидел неподвижно, что снег стал заносить его голову и плечи. Вот за кустами тальника мелькнула безрогая голова: олени уже избавились от рогов, прошло время гона, теперь самцы снова одни бродят по лесу и питаются мохом и корой. Эглэндэр услышал, как шелестит потревоженный оленем снег: поднял голову, медленно протянул руку к копыю, медленно поднял его, замер. Олень не увидел и не учуял человека: деловито драл кору с молодого деревца, сопел, переступал толстыми ногами. Эглэндэр отвёл руку назад, метнул копьё. До зверя совсем близко, но... мимо! Будто кто-то его толкнул под руку.

Олень с шумом умчался в чащу, а Эглэндэр опустил на бревно, закрыл руками лицо. Авлан по веткам перебежал к тому месту, где стоял олень: ведь он же видел, что копьё летело в цель! Как же можно было промахнуться? Спустился ещё пониже, силясь разглядеть, что не так с охотником. Может, он болен? Может, ослаб глазами? Авлан чуть не на макушку ему сел – и лишь тогда увидел: руки и голову Эглэндэра словно оплела тонкая сеть. Она сковывала движения, мешала руке и глазу работать вместе. Вот поэтому он и не попал! Но откуда же взялась эта помеха? Такого Авлан ещё не видел...

Редко-редко люди могут навлечь зло друг на друга и обращаются для этого к злым духам Нижнего мира. Шаманы могут издали нападать на людей, выпивая их души, но, если бы какой-нибудь шаман напал на Эглэндэра, Авлан сразу бы заметил: следы от такого нападения – всё равно что следы грязных ног на чистом снегу. Но удивительная сеть сделана не нижними духами – теперь-то Авлан разбирается в таких штуках, повидал уже кое-что. Тут уже не в

одном Эглэндэре дело: надо понять, что за сила его охватила, это долг защитника-покровителя! Авлан зажмурился и прыгнул вперёд, не глядя, – так он попадал в мир, где жила Дуннур-Мать.

Она встретила, как обычно, ласковой улыбкой, отвела ненадолго зверей-птиц, что всегда окружали мать живого.

– Что ты невесел, маленький защитник? Люди обидели?

– Привет тебе, матушка, – Авлан сел на задние лапы, сложил передние и поклонился. – Меня никто не обидел, а вот одного баягира кто-то преследует. Околдовал его так, что добрый охотник не может с двадцати шагов попасть в оленя. Какой-то сетью его связали, оплели...

Дуннур-Мать задумалась:

– Не тёмные ли духи?

– Мне кажется, нет в этом зла, матушка, а вот сила большая.

Тишина повисла над поляной, звери-птицы притихли, не мешали Дуннур-Матери. Наконец она ударила раскрытой ладонью по земле:

– Собирайтесь ко мне, дети мои, приходите к матери – сперва привет вам, потом будет разговор!

Авлану почудилось: дрогнуло всё вокруг. Закачались деревья, плеснула вода в реке, будто земля, как спящий зверь, дёрнула шкурой. И вмиг окружили поляну разные духи: большие и малые, сильные и попроще, древние и молодые... Каких-то Авлан узнавал, каких-то видел впервые.

Дуннур-Мать оглядела всех, приласкала, для каждого нашла доброе слово и материнскую улыбку. Авлан весь трепетал: это ведь из-за его просьбы явились все эти духи, он просил Дуннур-Мать их потревожить, а ну как будут недовольны? Как бы не попало ему! Не сейчас, так после...

Звучным голосом мать живых рассказала о таинственной сети, наброшенной на охотника Эглэндэра:

– Если кто-то из вас, дети, уловил человека в эту сеть, расскажите мне. Мы решим, что с этим делать. – Этот защитник людей – твой любимчик, матушка? – сверкнул глазами дух-росомаха.

– Нет, сынок, – улыбнулась Дуннур-Мать. – Вы все мои любимые. Расскажите молодому Авлану, что случилось с охотником. Если человек что-то нарушил – Авлан накажет его. Все должны блюсти обычай: и люди, и духи.

Бурундук поёжился: никогда ещё за эту осень ему не доводилось наказывать никого из людей. Но, видно, придёт и такое время... У него ведь есть обязательства не только перед баягирами! Если люди обидели духов, он должен показать им, как они неправы. Но что же мог натворить Эглэндэр?

Духи загомонили было, заспорили – и вдруг затихли. Через их толпу медленно, вперевалку шагал громадный – в два человеческих роста – рыжий медведь. Он склонился перед Дуннур-Матерью:

– Привет тебе, всеродительница. Это я наказал охотника из баягиров. Он обидел мою дочку.

Авлан понял уже, что все духи зверей-птиц называют живность своими детьми. Значит, Эглэндэр нехорошо повёл себя с медведицей. А сам никому про это не сказал! Большой грех: все знают, что немилость духа медведей может пасть на весь род.

Дуннур-Мать поглядела на Авлана: мол, ты защитник баягиров – тебе и решать спор. Авлан набрал в грудь побольше воздуха:

– Сначала привет тебе, старший, потом уже разговор. Я не знал, что баягир не почтил твою родственницу. Что он сделал? Расскажи – и я введу его в разум, обещаю тебе!

Медведь уселся на снег:

– Охотник твой подранил мою дочку, но не добил – убежал, бросил её с пропоротым боком. Долго она мучилась, прежде чем умереть. В большой обиде была на человека – мы ведь с вами родня, а он эдак с сестрой поступает. Нехорошо это! И душу её ко мне не проводили как должно, праздника ей не устроили. Вот я и осердился на твоего баягира. Пусть не добывает ничего, пока не раскается и не попросит прощения у моей дочурки!

Авлан запечалился. В самом деле, Эглэндэр совершил большой грех: по убитому медведю справляют праздник, тогда его душа может отправиться к предку-медведю и родиться снова. Аин-Маин сошьёт убитому зверю новую шкуру, он явится назад на землю и снова будет играть и охотиться в родных лесах. Бросить же недобитого медведя – для охотника ещё больший грех: всё равно что человека оставить умирать!

В древние времена медведица родила от Творца Сэвэки двух сыновей: один был медведь, а другой – человек. Жили они в мире и согласии, но как-то раз, играя, человек нечаянно убил брата. Долго плакала мать – двойное горе у неё случилось: сын убит и сын – убийца. Но Сэвэки её утешил: человек может помочь душе медведя вернуться в жизнь, если устроит подобающий праздник. Так и пошло... Человеку медведь – старший брат, а медведица – старшая сестра, а если вовсе пожилой попадётся зверь, зовут его дедушкой.

Ну Эглэндэр, ну натворил дел! Авлан снова поклонился медведю:

– Позволь, старший брат, Эглэндэру добыть одного только оленя, чтобы устроить праздник для старшей сестрицы. Когда всё сделает по обычаю, может, утихнет немного твой гнев.

Медведь встал и неожиданно положил тяжеленную лапу Авлану на спину – чуть не придавил!

– Пусть всё сделает по обычаю, тогда верну ему удачу на охоте. А ты, младший братец, не забывай родства – приходи в гости. Я тебе рад.

Дух ещё раз поклонился Дуннур-Матери и неторопливо удалился. Стали расходиться и другие духи. Авлан тоже отправился восвояси – в ближайшую же ночь надо явиться Катанаяу во сне!

###

Бурундук проследил, как шаман отправился на стоянку Эглэндэра, как его приняли, протянули над огнём очага чашку с травяным отваром, как он положил в пламя кусочек свежего мяса с прослойкой жира. Авлан сидел у входа в дю, а хозяйка огня поделилась с ним Катанаявым приношением. Духи были в добром согласии, а вот у людей разговор не клеился.

– Не упрямясь, Эглэндэр, – увещевал шаман, – осерчает дедушка-дух на весь род – что будем делать? Только что у нас охота пошла добрая, на каждом новом месте мы с добычей, а ты что же? Чего ради вообще на старшую сестрицу напал?

– Не нападаю я, – угрюмо бубнил Эглэндэр и опускал взгляд. – Увидел продох на снегу – хотел уйти, не тревожить, а копьё моё само рвануло, ударило. Не моя вина, не я бил!

Шаман хлопнул себя по коленям:

– Копьё твоё, а бил не ты! Ну как так?

– Да вот так, – не уступал охотник. – Не хотел я нападать, мимо хотел пройти. Зачем мне сейчас таких зверей добывать? Не надо нам.

Он глянул на Катаная с подозрением:

– Не веришь мне? Спроси духов – кто меня под руку толкнул? Не сам я бил, пусть меня Буга-Мать покарает, если виноват. Околдовали меня, околдовали!

Жена его Каталкан сидела молча в женской половине дю, перебирала без толку берестяную посуду. Авлан видел: ей страшно. Духи там или не духи – муж навлёт на себя гнев медведя, а что если по его вине весь род в беду попадёт? И хотела бы Каталкан умолить мужа провести праздник, раз шаман велит, да нельзя мужчине под руку говорить: сам решит. А боялась

Каталкан, что решение рассорит его с родом – Эглэндэр упрям... Как бы на этом благословения шилкинского Авлана не лишиться!

Катанай исчерпал терпение, поднялся и вышел наружу. Авлан посторонился, пропустил шамана и стал смотреть, что будет дальше. Каталкан бросила свои туески, подбежала к мужу, давясь слезами:

– Что делать будем? Пропадём без добычи, а ну как духи и остальной род охоты лишат? Катанай всем расскажет, Авлан-покровитель рассердится!

– Перестань ты, – Эглэндэр оттолкнул жену – едва не упала в очаг. – Не вой! Не виноват я, не я сестрицу бил, значит, и грех не на мне. Копьё било.

Каталкан поднялась – больше она не плакала, брови сердито сошлись:

– У тебя одного копьё бьёт куда попало! Зачем враки рассказываешь? Будто маленький мальчик сочиняешь.

– Ах, враки?!

Эглэндэр подскочил к жене, схватил за ворот кафтана, ударил раз, другой, пнул ногой, отшвырнул от себя, снова пнул... Авлан не стерпел:

– Совсем ты, охотник, ума лишился! Теперь и рука, и нога тебе ни к чему.

И дунул на Эглэндэра совсем легонько, даже ветерок не пролетел по жилищу.

Принося дары духу-покровителю, баягиры не только добро получают, но и власть над собой Авлану дают. Этой-то властью он впервые заставил тело охотника подчиниться. Эглэндэр пошатнулся вдруг, потерял равновесие, охнул и упал на пол, на мягкую подстилку. Каталкан, рыдая, отползла от него, потянулась к деревянному черпаку – отбиваться от озверелого мужа. Однако Эглэндэр вставать не спешил: неловко ворочаясь, пытался вытянуть правую руку, чтобы опереться и встать. А рука-то повисла, как неживая, когда коснулось её Авланово дыхание! И нога подвела – не держит, не выпрямляется.

– Жена! Помоги!

Каталкан поднялась, отряхнула подол:

– Как же! Подойду – а ты опять драться...

– Нет... не буду драться, помоги... Встать не могу.

– Ну и лежи, – Каталкан обошла мужа, чтобы не переступить через его ноги, сняла с вешал у входа шубу, оделась и вышла на улицу. Эглэндэр кое-как перевернулся на спину, схватил левой рукой правую – нет, не слушается, падает плетью.

Авлан не стал досматривать, что у них там дальше будет. И так понятно: дня не пройдёт – прибежит Каталкан к шаману просить помощи. Надо его предупредить.

###

Праздник удался на славу, что надо праздник! Варили оленье мясо и голову, готовили тэкэмун – густой суп, что едят только на обрядах. Ели его, сидя по двое и кормя друг друга одной ложкой, а в промежутках крича «Кук! Кук!», будто ворон. И Катанай шаманил знатно – все духи сбежались послушать, а грохот бубна аж до Ура долетел.

Для охоты на праздничного оленя Авлан снял с Эглэндэра немоту руки и ноги, а брат-медведь – свою колдовскую сеть, что мешала метко бить копьём. Правда, Каталкан от него ушла на всю зиму – пока, мол, не перебесится, жить она с ним не хочет. Поставила себе маленький чорама, домик, где нет дверей – для тепла, – а входят и выходят через дымовое отверстие. Там и жила – ставила слопцы на глухаря, ловила рыбу, иногда стреляла влёт тетеревов – всё умеет Каталкан, да нрав не лучше, чем у Эглэндэра, такая же упрямая...

Ну да эти человеческие дела Авлана не касались. С духом-медведем он повидался:

– Не держи зла на баягиров, старший брат, вразумились они, впредь будут осмотрительны.

Рыжий медведь вновь положил тяжёлую лапу Авлану на спину:

– И ты не сердчай, младший братец. Дочка моя теперь уже переродилась, в зимнем доме с матерью живёт. Вот, сестра моя младшая помогла ей.

По знаку медведя вышла из-за лиственниц, ступая легко и тихо, молодая на вид медведица – вся золотистая, будто свежий мёд, глазами-брусничинками поглядела кротко на собравшихся, поклонилась Дуннур-Матери, а потом – нежданно – Авлану:

– Знаю, люди всегда будут охотиться на наших деток – Сэвэки им разрешил. Но обычаем на то и обычаем, чтобы жить в мире, ты это людям напоминай, родич, ни к чему нам ссориться.

– Напомню, сестрица, – от души пообещал Авлан.

С тем и расстались.

А ещё случились у него два странных разговора. Как-то во сне позвал его Катанай – научился уже, что надо делать, чтобы покровитель рода приходил в его сны:

– Благодетель Авлан, я старею. На медвежьем празднике так устал, что два дня потом ходить не мог. Тело моё сдаёт, силы уж не те. Мне нужен ученик, кого бы я мог посвятить раньше, чем совсем уйду. Но ты видишь: сыновья мои не годятся в шаманы, а дочка умерла от заразы... Прошу, разреши мне взять Нюрилкан. Ты ведь ей старший брат.

– Что?! Нюри? – Авлан аж подскочил. – Почему Нюри?

– Она видит духовы сны. Ты ведь можешь приходить к ней во сне, а это не всем людям дано. У неё зачатки дара – в роду твоей матери, помню, были шаманы. Позволь мне обучать её, пока я ещё в силах.

Авлан онемел. Не такой судьбы ему хотелось для младшей сестрёнки! Тяжек труд шамана: жить на два мира – людей и духов, жизнь свою подвергать опасности всякий раз, как идёшь шаманить в Нижний мир или сражаешься с сильными зловредными духами. Да и замуж трудно выйти шаманке: хорошая жена должна думать о доме, о детях, заботиться о муже, а не убегать в шаманский чорама, когда кто-то заболел или охота станет плохой. Даже Катанай, сильный мужчина, лежит день-два после обрядов, а женщине-то какво! А вдруг война – вражеский шаман тогда может попытаться съесть её душу, такое бывало, говорят.

Катанай покорно ждал: как скажет покровитель рода, так тому и быть. Авлан видел, как сдал шаман за последний год. Весь уже седой, руки, бывает, дрожат, когда берёт чашку или нож. А ведь ему чуть за сорок зим, не старик ещё. И вот так же быстро, неодолимо будет стареть Нюрилкан? Мучиться страшными снами, где духи терзают и поносят её за помощь людям? Ходить по домам, где бушует болезнь, и собирать в свой бубен заразу? Страшная жизнь!

– А больше никого с шаманским даром у баягиров нет? – спросил Авлан так, на всякий случай.

– Никого. Может, младенцы унаследовали, но когда ещё они подрастут... Я до тех времён могу и не дожить.

Авлан закрыл морду лапами. Страшный был миг, страшнее, чем тогда, когда его волокли под жертвенный нож. Зла на Катаная он давно не держал – шаман должен защищать род, ради этого можно пойти на многое... А теперь и сам бурундук понял на себе, какво это – решать чужую судьбу, обрекать на мучения. Но он дух-покровитель баягиров, ему отступать некуда. Надо делать так, как будет лучше для рода.

– Бери Нюрилкан, – сказал Авлан, махнул хвостом и ускакал поскорее.

Той же ночью, когда он сидел на вершине лиственницы, пролетел над ним белый сияющий лебедь. Авлан его узнал: это был личный дух-покровитель шамана Катаная, звали его Лигли. Кружа над бурундуком, Лигли пропел своим трубным голосом:

– Я искал, я видел: не сам Эглэндэр ударил медведицу – его копьё направил злой дух. А послал этого духа кто-то из числа людей. Но этого мне уже не удалось понять. Прощай!

Белоснежный лебедь исчез в небесах, а Авлан остался с новыми заботами.

4. Сердце шамана

Вместо добычи Геванча принёс на стоянку новости:

– В наших землях чужой охотник!

Вести разлетелись, как птички, во всех стороны; к утру возле дю Геванчи собрались все соседи. Авлан тоже пришёл, уселся на дымогон и слушал. Геванча, размахивая руками, рассказывал:

– Пошёл вчера пади проверить – снег-то какой был, сами видели. Нашёл падь – пустая, человек поднял. А был в ней соболю, так думаю: наживка-то съедена. Дальше иду – опять пустая падь, опять соболя вынули. Тут уж я разозлился и до распадка бегом побежал!

– Ещё бы, – согласились соседи. – Ну, а там?

– А там slopeц пустой, тетерева как не бывало.

– Может, лиса? – вслух задумался Сумулдин.

– Какое лиса! Она бы прямо там и жрать начала, а тут несколько пёрышек упали – и всё.

– Ну а следы?

– Да снег ведь выпал, какие следы, – махнул рукой Геванча. – Не нашёл я ничего. Но кто-то нас обирает, я так думаю.

Авлан не стал дослушивать – прыгнул на ветку берёзы, поскакал в лесную чащу. Там позвал потихоньку:

– Братья лесные, сначала привет вам, потом будет разговор!

И сел ждать.

В сумерках собрались духи: зайцы, глухари, лоси, соболю.

– Кого видели, кого слышали в здешних лесах, кроме моих баягиров?

– Ходил один вокарай, – каркнул ворон. – По чужим следам ходил, чужие ловушки опустошал.

– Я тоже вокарая видела, – сказала зайчиха. – Убил лосёнка и унёс на берег, к трём скалам.

– Убил, убил, – согласилась лосиха. – Не просил добычу, взял как вор, что попало. Зачем ребёнка убил? Много ли с него мяса?

– Вокарай, значит...

Авлана до краёв затопил гнев. Что это случилось с вокараями, для чего ведут себя с соседями не по-соседски? Или забыли уже, как тринадцать зим назад мужчины баягиров приходили к ним на берега Науна? Новые мужчины выросли у них, опять войны хотят?

###

В тот раз баягиры с вокараями поссорились из-за свадьбы. Девушку из вокараев на празднике лета сговорили за баягирского парня, и он отработал тестю за дочь. А когда пришёл за невестой по первому снегу, оказалось, что её отдали за дуликагира. Мол, тот явился без спросу, и девушку силой взял, и отца её чуть не убил. Жених обиделся, сказал, что на своих стоянках всё расскажет, и собрался уходить домой. Насилу его уговорили заночевать, но парень попался недоверчивый: вечером положил в дю свёрнутую шкуру, укрыл своей одеждой, а сам украдкой выполз наружу и спрятался на лабазе. Ночью молодые вокараи ткнули сквозь крышку дю копьём в то место, где оставили гостя спать. А когда увидели, что его там нет, побежали по все стороны по лесу – искать. Баягир дождался, когда все убегут, слез с лабазы и ушёл к своим.

Так и началась война. Дважды воины баягиров и вокараев встречались на притоке Шилки, дрались и расходились, а на третий раз баягиры пришли во время большого совета всего вокарайского рода и напали ночью. Тогда перебили многих мужчин и взяли с собой

десять женщин, а остальных забирать не стали – кормить нечем. Молодые мальчишки остались у вокараев за взрослых...

Тогда же, как рассказывал Авланов отец, старик-сонинг из вокараев попросил перерезать ему горло и взять его сердце. Кровь этого сердца выпили пополам отец и его товарищ – тот уже ушёл в Нижний мир, а отец вот жив. Видно, ему больше крови досталось...

Из тех захваченных женщин вокараев была Эяна, жена шамана Катаная. Говорят, когда Катанай в первый раз пошёл к ней ночью, она избила его деревянным ковшом и вытолкала на улицу. Но шаман был терпелив и удачлив на охоте. Задарил, приручил... Два Катанаяевых сына – уже баягиры. А вот если снова война с материнским родом – пойдут сражаться или...

Шилкинские баягиры собрались на родовой совет. Кто нарушил границы охотничьих земель – тот растоптал обычай, может, даже обрёл на голод хозяев земли. Люди здесь живут охотой, другого пропитания нет. Разбежится дичь – вымрут охотники. Потому шилкинские баягиры и читинские вокараи, когда не воевали, друг к другу ходили только в гости и только летом, когда нет охоты.

Авлан тоже пришёл на совет, но пока мужчины совещались, не тратил время зря – побежал кругами от стоянок Геванчи и соседей, разыскивая: нет ли иных чужаков на земле баягиров? И нашёл!

Мелкий дух Нижнего мира – болотное чудо – шарился там и сям в распадках, где ставили ловушки на пушного зверя и боровую птицу. Сами по себе духи снизу по земле людей не ходят – а этому чего понадобилось? Авлан окликнул его как положено:

– Тёмный дух, сначала прими привет, потом будет разговор!

Но незванный гость не ответил, а припустил наутёк. Авлан погнался было – а тот шасть в Нижний мир, провалился сквозь землю. Бурундук побежал дальше – и у переката, где охотники-баягиры часто подкарауливают лосей, опять увидел нижнего духа. Но тут уж окликать не стал: прыгая по верхушкам деревьев, подкрался осторожно – и сверху бросился прямо на него!

Беспалый коротыш на культяпистых лапках запищал в когтях бурундука: хоть и не хищный он, а кусается да царапает больно! Авлан придушил добычу, прижал всем маленьким весом:

– Хотел было «привет» тебе сказать, да ты ведь скроешься, хотел поздороваться, да ты ведь улизнёшь! А ну-ка говори, что тебе здесь надо? Кто прислал, чего хотел?

– Ишо чаво! – проскрипел пленник. – Не боюсь я тебя, мыша зубатая, ыть, ыть!

– Меня не боишься? – ласково пропел Авлан. – А старшего брата моего, медведя, тоже не боишься? Давай-ка я позову его, пусть на тебя поглядит!

– Нинада! А-а, нинада! – забился под ним пришлый дух. – Чаво ты хошь, мыша зубатая?

– Кто тебя послал?

– Большой шаман послал, большой Урэн!

– Зачем послал?

Нижний дух замолчал, но Авлан видел – не потому, что запирается: такие, как он, не очень умны, вот и подбирает слова из тех немногих, что запомнил.

– Места добычи искать, добычу брать, – помолчал и добавил: – Охотникам.

Авлан призадумался. Какой-то Урэн посылает духов Нижнего мира искать, где лучше охота, а потом туда идут охотники. Чьи? Вокарайские? Тогда, может, и Урэн – из вокараев...

– Провались! – рявкнул он на духа, и тот дважды себя просить не заставил – утёк в Нижний мир. Авлан понёсся домой. Об этом надо говорить с шаманом.

###

Нюрилкан уже проводила обряды вместе со старым Катанаяем, но своего бубна у неё до сих пор не было. И вот в то самое время, когда заснежило изо всех сил, Катанаяю во сне при-

виделась расколота молнией лиственница. То, что нужно для изготовления обечайки бубна! По указанию шамана трое охотников, пробираясь по пояс в снегу, сходили к этой лиственнице и, как и предсказывал Катанай, без труда вывернули её из земли и притащили на стоянку.

Теперь шаман самолично расщеплял ствол на ровные планки и гнул их над огнём в шаманском чорама; Авлан с любопытством наблюдал, как идёт работа. Обычному человеку даже прикоснуться нельзя к шаманским вещам, как вот эта лиственница: духи осердятся – скрутит сухота, отнимутся руки. А женщинам не след даже глядеть, как трудится шаман над будущим бубном: женщина не удержится от вопроса или болтовни – вот, считай, и пропала работа! Священное дело требует тишины, потому даже молитвы духам люди произносят тихонько, шёпотом, или про себя. Но ученица шамана – дело другое!

Нюри в это время чистила и разминала оленью шкуру – её натянут на обечайку, а потом она сама разрисует бубен слегка нагретым железным гвоздём. Авлан немного жалел сестру: даже в ученичестве жизнь будущей шаманки нелегка. Надо не только усваивать науку Катаная, но и успевать прибираться в чорама, заготавливать для обрядов ветки можжевельника, травы, ягоды, правильно их сушить и прятать в особые короба на хранение.

По велению шамана Нюри делала все приспособления для обрядов. Она сшила из тонкой ровдуги мешочек для хранения души ребёнка – Катанай спрятал туда душу маленького сына Геванчи, чтобы злые духи не утащили мальчика с собой. Она вырезала из ольхи деревянные фигурки мужчины и женщины для лечения головной боли и связывала их освящённым ремешком из кожи. Она же сучила лосиные жилы и свивала из них длинный шнур – саламу. На неё Катанай с пением заклинаний навязал тучу мелких предметов: рысьи клыки, красивые бусины, кусочки крашеной ровдуги, череп соболя, обрывок шкуры с медвежьего уха, серебряный самородок, железный наконечник стрелы – всё, что приносили ему баягиры для испрашивания у Буга-Матери благополучия и исполнения желаний. Освящённую над шаманским огнём саламу Катанай унёс далеко в лес и спрятал на дереве так, чтобы ни один человек не нашёл. Только Авлан видел, где она висит, качаясь на ветру. Когда она истлеет и дары попадут на землю, желания людей исполнятся.

За три года, проведённых у очага Катаная, Нюри очень повзрослела. Даже родители, встречая дочку на стоянке шамана, дивились, до чего младшая стала деловитой, основательной. Катанай из кожи вон лез, стараясь сохранить добрые отношения с семейством Авлана. За сына, принесённого в жертву, принёс целый туесок бусин – Иничэну для будущего сватовства, на подарки невестинной родне. За дочь, взятую в обучение, обычно платили родственники, но и тут Катанай сделал по-своему.

В тот же день, когда он увёл Нюри из отцовского дома, сыновья шамана притащили её родителям целого лося, с рогами и шкурой.

Отец, конечно, грустил – Авлан видел ясно: не такой судьбы он хотел для младшей дочери. Хотел увидеть её беззаботной весёлой невестой, потом домовитой женой и матерью многих детей – его внуков... У шаманок редко судьба ложится такими ровными стежками. Но ничего не поделаешь: видно, духи по-особому относятся к его родичам. Да и почитание Авлана – покровителя баягиров – приносит почёт и уважение семье, где он когда-то жил человеком.

А вот сама Нюрилкан не печалилась: теперь она часто-часто видела брата во сне и передавала от него привет и благословение папе, маме, старшему брату и сестре. Да и жизнь у шамана пока что казалась ей интересной и не особенно тяжкой. Но Авлан всё равно тревожился: ей ведь всего десять зим, как-то пойдёт дальше? Пока что Катанай бережёт её от знакомства с опасными духами, но однажды ей придётся проплыть по шаманской реке и умереть для мира людей... А это испытание не всегда по силам и крепким юношам!

Совет мужчин баягиров идёт своим чередом, а шаманские заботы – своим. Понял Авлан: старый Катанай торопится с посвящением Нюрилкан. Боится, что недолго ему на земле осталось. Вот и бубен скоро родится, и женщины собираются в Катанаевом чорама шить одежду

для Нюри. Шаманское платье от начала наделено особой силой: каждый кусочек ровдуги, каждая жильная ниточка, каждая бусина связаны с духами, просто так их хватать и разбрасывать нельзя!

Впервые Авлан мог своими глазами увидеть, что за таинства творятся в шаманском доме. Сел привычно на дымогон и глядел, как шаман окуривает женщин дымом священного можжевельника, как зажигает для них множество жирников, чтобы светло было шить. Мелкие духи из тех, что сопровождают шаманские обряды, уже собирались в чорама и вокруг: со многими Авлан вежливо здоровался, а кое с кем и говорить не было смысла – неразумные они, просто летят на обряд, как мухи на свежую кровь.

Катанай принёс в жертву рябчика – ему сыновья поймали живую птицу нарочно для этого. Легко, словно рябчик, будет скакать Нюрилкан в шаманском танце, взмахивая крыльями-рукавами, легко будет летать её душа по дорогам духов. Грея бубен над очагом, Катанай заклинал духов войти в новую одежду для будущей шаманки, а женщины молча, стараясь не шуметь, кроили ножами ровдугу на досках, ровняли, резали и разминали нитки, перебирали бусинки и полоски меха... Кузнец заранее сделал железные подвески с изображением самых разных духов всех трёх миров: тут и духи-птицы с небес, и духи-страшилища из Нижнего мира, и духи-звери с земли людей... Но главную подвеску из священного металла – железа – сделают для Нюрилкан только тогда, когда она пройдёт посвящение и будет ясно, какой дух стал её личным покровителем.

Зимний день короток, и всё же к вечеру, когда стало совсем темно, шаманский кафтан был готов. Авлану он показался не таким красивым, как у самого Катаная. Однако у Нюри всё ещё впереди: со временем прибавятся и меховые оторочки, и новые подвески, и ровдужная бахрома по подолу. Когда работа была кончена, Катанай поднёс женщинам свой бубен, и они собрали в него все иголки, обрезки и кусочки ниток. Ничего не должно быть брошено без дела – всё связано с духами. Собранное Катанай спрятал в берестяной туес, а женщинам велел протянуть руки к огню и провёл над ними колотушкой от бубна – чтобы пальцы не болели после общения с заклятыми священными вещами. Авлан видел, как мелкие духи один за одним отцепляются от женских пальцев, от рукавов, от волос и улетают в дымогон. Всё, теперь людям можно покинуть чорама – это не опасно. Пора и Авлану – надо обежать охотничьи земли баягиров, присмотреть, не нарушают ли границ чужие духи.

###

Зима выпала снежной и тёплой, даже лосям было трудно ходить по глубоким сугробам, и охотники часто приносили хорошую добычу. Старших братьев и сестричек, спавших в зимних домах-берлогах, не трогали – не было нужды. Охота на них опасна – любой охотник может погибнуть, если недостаточно ловок или просто не повезёт.

Бывает, что нужна тёплая шкура взамен заношенной или желчь для лечения суставов – тогда делать нечего, надо идти будить страшного родича... А впрок баягиры не заготавливали ни шкур, ни жил, ни ровдуги. Чем меньше имеешь, тем легче кочуешь, ведь всё имущество надо тащить на волокуше. Покрышки дю оставить нельзя, тёплую одежду тоже, а ещё оружие и железные вещи, да и пища в дороге нужна, вот и остаётся в хозяйстве только самое нужное. Потому и после нападений на чужие стоянки победители не брали чужого имущества: девать некуда. В сказках часто бывало, что старуха-бабушка прятала от врагов внука – будущего мстителя – в груди старых покрышек или брошенных шкур: всё равно на них никто не позарится.

Авлан бежал по верхушкам лиственниц и думал, насколько хватит хорошей охоты нынешним баягирам и как быть, когда их число увеличится. Известно ведь: в сытые годы зачинают много детей, значит, уже через год народу станет больше. Согласятся ли духи зверей-птиц и дальше кормить расплодившийся род? Не придётся ли части рода уходить далеко, в новые

земли, и искать угоды там? Такое бывало не раз, потому и разделились в старину баягиры: есть шилкинские, есть читинские, а есть даже наунские, но тех, говорят, нынче мало осталось. Всё это надо обдумывать ему, духу-покровителю, не зря ведь его кормят вкусным жиром у каждого очага...

Авлан отбежал уже далеко, до самого крутояра, поросшего берёзами, когда ощутил как бы внезапную боль внутри: на род напали! Но кто, как? Он не видел на баягирской земле чужих воинов, не слышал, чтобы духи-сороки кричали об опасности. Со всех ног помчался бурундук назад – да всё равно долго скакать придётся, он ведь маленький, хоть и дух...

– Эй, младший братец, сначала привет тебе, потом разговор! – могучий рык долетел с земли. Авлан приостановился, глянул вниз: старший брат-медведь стоял внизу, махал лапой:

– Прыгай на меня да побежим быстрее!

Вцепившись коготками в густой мех, Авлан трясся на крутой медвежьей спине, а глаз не мог оторвать от приближающихся тёмных лиственниц у самой лайды, где была стоянка Катаная. Вот медведь остановился, стряхнул бурундука на снег:

– Дальше сам. Прощай, младший брат!

– Благословение Дуннур-Матери да будет с тобой, – пропищал Авлан и бросился к людям.

Что-то жуткое, тёмное с хохотом пронеслось над его головой, бурундука вжало в снег будто тяжкой лапой. Ужас схватил его сердце, сжал в ледяной комок. Миг – и отпустило, Авлан понёсся дальше.

У дю Катаная тонко и тоскливо, как волчица на луну, выла Эяна. Стояла, опустив руки, и выла, задрав лицо в снежные небеса. А старый шаман лежал поперёк порога, скрюченный, с вытянутой вперёд рукою, словно хотел кого-то схватить, удержать. Авлан прыгнул прямо на неподвижное тело и понял: душу Катаная кто-то вырвал из тела и унёс. Не тот ли страх, что промчался по небу ему навстречу? Показалось или он тащил что-то в когтях?

Люди боялись приблизиться и к мёртвому шаману, и к безумной его жене. Толпились поодаль, дрожа и не решаясь ни к чему здесь прикоснуться – а вдруг и с ними беда приключится? Авлан огляделся: ни одного духа вокруг. Пусто. В первый раз он видел такое – будто земля людей вымерла.

А где же Нюрилкан? Почему её не видно?! Ужас опять подбросил бурундука, шёрстка на спине стала дыбом. Он метнулся в чорама. Так и есть – Нюри там. Лежит как попало, одной ногой в погасшем очаге, тело бьётся в судорогах, а душу её – это Авлан видел ясно – уносят с собой духи-странники, чтобы проплыть с нею по шаманской реке, разъять её на части и снова сложить, наделив ниточками-связями с Нижним и Верхним мирами.

Нюрилкан не дождалась посвящения, и посвятить её теперь было некому. А душе в её страшном путешествии к корням миров даже Авлан не мог бы помочь. Теперь если и выберется, то лишь сама, своими силами.

В чорама было холодно – очаг уже остыл, только белый пепел разлёгся там на недогоревших головнях, как свежий снег. Авлан подошёл к очагу, глянул – и отпрыгнул. Будто мало на сегодня было горестей – дух шаманского очага, его знакомая старушка, лежала мёртвой.

Разжечь пламя в шаманском очаге – это не просто выбить искру и подпалить бересту. Дух огня в жилище шамана имеет особую силу, его надо пригласить, уговорить явиться, поселиться в доме шамана. Тогда, может, и загорится. Если Нюрилкан вернётся на землю живых, она может попытаться, но дух этого нового огня будет уже её духом, не Катанаевым.

Авлан не мог помочь сестрёнке, но и просто так уйти не решился. Сел перед ней на лапнике и стал ждать. Снаружи ходили и говорили люди, но в чорама не совались – тоже поняли, что Нюри там и что совершается что-то особенное. Стемнело, крики Эяны смолкли, от очагов понесли запахи варёного мяса. Авлан теперь его не ел, но всё равно пахло вкусно... Нюрилкан вдруг перестала вздрагивать, глубоко вздохнула, открыла глаза – и вдруг сквозь дымогон

ударил порыв холодного ветра, Авлана едва не снесло прочь. А это значит, ветер не простой – духов. И когда новая шаманка шилкинских баягиров села на своей лежанке и протянула руку вверх, на неё, незримый для всех, кроме Нюрилкан и Авлана, опустился её дух-покровитель – чёрный орёл. Гневный, суровый дух, дух войны и жестокой битвы.

Авлан поклонился орлу, тот величественно кивнул в ответ. Нюрилкан встала, надела шубку, забралась на высокую колоду внутри чорама и ловко, как зверёк, выскочила наружу:

– Славные баягиры, сначала привет вам, потом будет разговор! Издалека я пришла к вам хранить ваши души, лечить ваши тела.

Люди сперва отступили испуганно, потом пришли в себя – поклонились.

А Нюрилкан подошла к мёртвому Катанаю – никто так и не решился его тронуть, – взяла заледенелую руку, поцеловала:

– Прощай, батюшка, ещё свидимся с тобой. Геванча, Сумулдин, прошу, почтенные, приготовьте жерди, а вы, жёны-баягирки, найдите старую ровдугу. Сегодня спрячем батюшку, а завтра похороним.

Подбежала к Эяне, обняла:

– Идём, матушка, в дом, ты ведь промёрзла, так и заболеть недолго! Идём, я тебе руки разотру, сварю чаю, приготовлю мяса, ты поспишь... Идём, идём, вот так, давай я дверь открою...

Авлан глядел на сестру и не узнавал. Вправду вынули её душу – душу маленькой смешливой девочки – и вернули другой: властной, смелой, неукротимой... Чёрный орёл сидел на дымогоне шаманского жилища и огненным глазом глядел вниз, на то, как хозяйничает в доме юная шаманка.

5. Духи войны

Вокараи напали чуть только рассвело. Засвистели стрелы из ближнего перелеска, а следом побежали по снегу чужие воины, окружили стоянку. Баягиры проснулись не все – пурга мела, на охоту не пойдёшь, можно поспать вдосталь... Вот и поспали.

Стрелы втыкались в покрывки жилищ, убивали наповал собак, что бросились защищать родные дома. Кто из баягиров успел выскочить на улицу, залегали за домами, готовили луки и копья, кто не успел – прятались в засаде прямо в домах. Кто-то успел заскочить на лабаз, пинком отбросил лестницу, принялся стрелять по врагам сверху, а в него попасть мудрено – вход у лабаза узкий, тёмный.

Авлан метался по стоянке, вливая свои духовы силы в бойцов: пока горит хоть один баягирский очаг, он здесь властен! Птицы стали его глазами: если враги подбирались скрытно из леса – кричали над ними, указывая, и туда сразу летели стрелы обороняющихся. Будь жив Катанай, он бы призвал на помощь своих духов, но Авлан мог просить только духов зверей-птиц, а что они сделают? Да и нападать на людей им Дуннур-Мать не позволит, это ей не угодно. Битвы людей – дело людей...

Над головой бурундука что-то прогудело, он сперва шарахнулся в сторону и только потом оглянулся. Огромный размытый ком темноты повис в ветвях берёзы, будто хмурое облако, и тянул мутные туманные отростки к Авлану. Дух Нижнего мира, да какой могучий! Не особенно умный, видно, зато сил с избытком. Ну беда, понял Авлан. На него впервые нападали вот так, духовыми силами. И послали-то, ясно, именно за ним. Значит, тот шаман, что выпил душу Катаная, теперь знает, что у баягиров есть защитник, и хочет его истребить! Ну тут уж выхода нет...

– Старший братец! – что было сил завопил Авлан. – Спаси-и! Убива-ают!

Грозный ответный рык далеко разлетелся над тайгой. Слышит старший брат – может, и поспеет помочь... Главное, дожить до этих пор!

А мелкие тёмные духи меж тем нападали на баягиров. Касаться людей они не могли, зато пили их силы, дурманили разум, застилали глаза. Воины бежали не туда, поворачивались спиной, и враги тут же посылали им вслед меткие стрелы. Вот упал Геванча, вот Сумулдин споткнулся на бегу – дух отвёл ему глаза, и старик побежал прямо на лежащее бревно. Подскочил вокарай, ударил копьём сверху вниз – ушёл Сумулдин в землю мёртвых!

Авлан бросился было на помощь своим – разогнать тёмных духов, дать баягирам новые силы, – ан нет, не вышло: мрачный туман окружал всё плотнее, и сам бурундук уже мало что видел. Ну всё, конец наступает, из этих дымных объятий не вырваться...

А тут ещё потянуло холодом Нижнего мира – земля людей расступилась, выпуская новых тёмных духов. Завывали, вопили, свистели, неслись над истоптанными снегами, политыми кровью людей. А громче их голосов грохотал новый бубен и разносилась звонкая песня шаманки:

– Нижней земли жители,
Нижнего мира насельники,
Оттуда-отсюда,
Из разных краёв прибывайте!
Вот вам пища – ешьте!
Вот вам вода – пейте!
Пир вам готовлю, кланяюсь,
Угощаю-потчую,
Досыта ешьте,
Доверху наливайтесь!

Нижней земли обитатели
В гости пожаловали!

И чёрный орёл кружил, кружил над разорённой стоянкой, падал вниз, разрывал ударами когтей враждебного духа и снова взмывал в низкое небо. И стаи духов, призванных Нюрилкан, врывались в раскрытые двери земли людей, вцеплялись в души вокараев, застили им глаза, выли в уши, сбивали с толку, зачаровывали их копья и луки. А Нюрилкан выскочила вдруг из своего шаманского чорама с ножом в руке, подбежала к упавшему воину-вокараю, перевернула пинком:

– Вам, жители Нижней земли, вам угощение! Пейте досыта!

И полоснула по горлу лежащего – только ужас застыл в мёртвых его распахнутых глазах.

Авлан содрогнулся. Жертва Нижнему миру, жертва человеческой кровью – страшное сотворила сестра! Непросто зарастает след этой крови, нескоро нижние духи забудут дорогу сюда, в мир людей. Да и Дуннур-Мать ещё как посмотрит на такое дело...

Туманные лапы сомкнулись вокруг Авлана, мир померк – солнечные слабые лучи не проникали в стылый мёртвый туман. Сигундар-солнышко, где же ты?..

И вдруг туманный страх распался, стал расплзаться в стороны – длинные острые когти его пропороли, перерезали. Братец-медведь глядел на бурундука:

– Почему ж ты не бежал, глупый? Высосал бы тебя этот паршивец, душу бы вынул!

– Не смог, – повесил голову Авлан, и лапы его подогнулись. – Сил не осталось.

– Ну, – медведьдохнул на него теплом, душа согрелась в бурундучьем теле, – жив – и жив, и хорошо. А что же сестрица твоя делает? Зачем эдакую толпу темноты призвала?

Авлан вздохнул:

– Что я могу поделывать? Меня самого едва не съели, какая с меня помощь. А она защищается как может.

Старший брат покачал тяжёлой головой:

– Кровь она пролила и духам подарила. Это опасный путь. Предупреди её, младший, так недолго и душу потерять.

– Предупрежу, – пообещал бурундук.

– Ну а мне пора. Прощай, младший братец, хорошо, что позвал меня, не то сгинул бы зазря.

И медведь умчался в глубину леса.

Битва окончилась. Духи, что пришли с вокараями, все были перебиты, а те, которых позвала Нюрилкан, нажравшись, уходили домой, в Нижний мир. Шаманка сидела, обессилев, на бревне, утирала пот с лица. Чёрный орёл переступал громадными лапами на дымогоне её дома, оглядывал поле битвы огненными очами:

– Славный бой! Жестокий бой! Те и те показали себя, стоят друг друга.

Чему ты радуешься, чёрная птица, неласково подумал Авлан, но спорить не стал. Не его дело ругаться с шаманским духом, он сильнее и старше.

Люди осматривали стоянку, добивали раненых врагов, уносили своих, кого ещё можно было спасти. Из вокараев никто не ушёл – все лежали на снегу: тридцать воинов, все взрослые мужчины рода. Из баягиров погибло восемнадцать бойцов, ещё девять получили раны, и как знать, не заберут ли их предки в землю мёртвых? Оба рода потеряли много мужчин. Вокараи не придут снова, но и баягиры не смогут напасть на них в ответ. Некому сражаться.

Авлан шёл по стоянке, грелся у очагов, что не успели потушить, и вливал силы в раненых. Кому-то, глядишь, и поможет! Он не рассматривал людей, не думал, кто жив, а кто умер, сейчас не до того. И лишь обежав всех, заглянув в каждый дю, отошёл к мёртвым баягирам, что укладывали на чистый снег поодаль.

Духи не умеют плакать – не та у них суть. А человек бы заплакал, увидев убитыми сразу отца и старшего брата. Авлан неослуживо коснулся их лиц, заглянул в глаза Иничэну – он умер с открытыми глазами, принял копьё в живот, от этого удара нет защиты. А отца застрелил, видно, вокарайский сонинг – одной стрелой, но удивительно метко, в глаз.

Нюрилкан подошла, провела каждому убитому по лбу горячей рукой, у тел отца и брата задержалась не более, чем у остальных. Потом подняла голову к небу:

– Батюшка-орёл, покровитель мой! Дай мне сил убить Урэна! Я нападу на него, истребителя баягигов, выпью его душу, разорву его тело, искрошу его кости! Пошли мне сил.

– Ты не справишься, Нюри! Ты устала! Только себя погубишь, – закричал было Авлан, да вспомнил: сестра не услышит. А чёрный орёл потоптался на дымогоне:

– Иди, девушка, иди на Урэна. Славный будет бой, жестокий будет бой! Посмотрим, кто сильнее.

Авлан в мгновение ока взбежал по корью, покрывавшему чорама, уселся столбиком прямо перед орлом:

– Что же ты делаешь – погубишь её! Она полдня шаманила, призвала всю эту свору, теперь у неё сил не останется даже бубен поднять!

– Она этого хочет, – пожал плечами орёл, совсем как человек. – Она ищет битвы – будет ей битва. Ну а если не справится – что ж, придёт другой шаман, посильнее, ему и буду помогать.

– Что ты за бесчувственный! – разозлился Авлан, но орёл лишь хрипло расхохотался.

А Нюрилкан уже выбрала двух помощниц и распорядилась:

– Несите можжевельник, хвороста много несите! Жиры, мяса надо приготовить, чистой воды ведро. Всё несите ко мне в чорама, потом ты будешь держать меня за поводья, а ты – кормить огонь. Торопитесь же, уйдёт проклятый Урэн!

И женщины слушались девочку, не прекословя.

Беда накрыла стоянку, словно старая шкура, – не продохнуть. Выбранные женщины помогали Нюрилкан шаманить, остальные тащили куски ровдуги, жерди для носилок, заворачивали мёртвых. В застывшие руки всовывали ножи, рядом клали сушёное мясо, вяленую рыбу, лепёшки из ягоды. Женщины скулили тихонько – нельзя вопить, темнеет уже, и без того унесли сегодня духи Нижнего мира немало душ, не хватало ещё новых приманить. Авлан разрывался между страшным обрядом, что творила Нюрилкан, и жалостью к маме и второй сестре. Он заглядывал в чорама, где шаманила одна сестра, и тут же выбегал наружу – приглядеть за другой.

Секалан ходила следом за матерью: схватила её за полу шубы и не выпускала, будто боялась потеряться. Мама держалась до конца: снарядила отца и Иничэна в далёкий путь, стянула ровдугу на заоченелых телах, укрыла лица – и кончились силы. Опустилась на снег, да так и осталась сидеть. Секалан тянула её за руку:

– Мама, пойдём! Ну мама...

Да где маленькой девочке управиться! Хорошо, соседки помогли – завели обеих в тёплый дю. Иначе к исходу ночи не осталось бы у Авлана родни, кроме Нюрилкан... да и та жизнь свою не бережёт, все силы готова отдать, только бы поймать проклятого шамана!

Обряд затянулся: раз, другой пыталась Нюрилкан взлететь вслед за орлом и мчаться в погоню за ненавистным врагом, но сил всё не хватало. Женщины-помощницы держали ремни, привязанные к поясу шаманки и перекинутые через старшую жердь: когда сильно расходится, пляшет так, что ничего не видит, – как бы в очаг не упала. Ремни эти называют поводьями: чтобы их держать, большая сила нужна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.